

В САДУ НЕСКУЧНОМ ТИШИНА...

ДЕНЬ, прожитый тремя людьми, тремя мужчинами — старым, средних лет и совсем юным, — день, когда им случилось встретиться, на миг стянул узлом трех родственных, но разных людей. Однако не узел сей прежде всего прельщал писателя, а расходящийся от него суровые нити судеб героев. Хотя, казалось бы, что им друг до друга, трем Ковалевским — деду пенсионеру, деловому его сыну Сергею и впервые — всерьез — влюбленному внуку Игорю?

В романе Владимира Амлинского то идут параллельно, то пересекаются как бы несколько взглядов. Собственно авторский, всепонимающий и притом, однако, весьма сдержанный, чуть ли не нейтральный. Взгляды мальчика на отца. И отцовский взгляд — на сына, на старика, на самого себя.

Взгляд старика неуловим. Его судьбу предоставлено оценивать кому угодно — сыну, внуку, автору, нам, только не ему самому. Он скорее наблюдатель, а не деятель в потоке романа. Но он характер, он личность, его прошлое не только пройденный жизненный путь, но и время. Тут все в ладу и с замыслом писателя, и с законами жизни: опыт молодости и зрелости передается и перенимается от отцов к сыновьям и так далее, но никто из отцов пока не делился опытом старости. Разгадать старика возможно проникновением, добросердием, душевной отдачей. Сын Сергей, для которого старик — нерешенная загадка, пробует искать какие-то свои решения.

«У каждого из нас есть свое несостоявшееся. А какое оно было у отца, он не знал, ибо меньше всего мы знаем это про своих близких. Он часто думал об этом: **КАЗАЛОСЬ БЫ**, отец достиг многого... У них в семье всегда считалось, что

главное — это профессия, наука остальное потом. А что было у отца «потом»... **ВОЗМОЖНО**, не в этом, не в семье и не в Антонине (второй жене отца, мачехе Сергея. — М. П.) закончилось его несостоявшееся. Как раз эта сторона жизни, **КАЗАЛОСЬ**, вполне его удовлетворяла».

Казалось бы, казалось, возможно — подчеркнуто мной Это взгляд самого Сергея. Взгляд, обретающий соответствующую возрасту сосредоточенность, но по свойствам природы рассеянный, мимолетный, упустивший невесту как и постарение отца, и повзросление сына, и собственный переход к иной порою. Практически вся жизнь Сергея, изображенная Амлинским и прослеженная нами, оказалась грускожанной из таких вот надежд, потерь, душевных побед и упущений, из множества обманов — и в любви, и в себе самом. А ведь именно любовь то держала их рядом, то далеко отпустила, до следующего раза, когда сын приходил к отцу за советом или «поплакаться в манишку». Как и к нему, Сергею, так и к отцу любовь, женитьба на Антонине приспела в минуту слабости, растерянности, неуверенности в себе. Подобные минуты никак не согласовывались с их общим девизом: «Верить в свои силы». И, конечно, любви эти были не из числа тех, что выбивают почву из под ног, а, напротив, из числа дающих опустить твердь под ногами.

«Здесь был другой разговор: отчетливый, понятный и всегда по делу... Все было четко, понятно, задачи ясны, цели поставлены, поля вымыты, работа начата, над землей витал ясный ветер определенности». Не этот

ли ветер определенности, осознаваемый теперь стариком, никак не удавалось разглядеть в нем Сергею? Не эта ли ясность, четкость, один шаг от чисто вымытых полов до высоких целей снадали и его самого? «Чувство времени», о котором неустанно напоминала Антонина, мораль, нравственность, поставленная в зависимость от обстоятельств, вера в свои силы, согласованная с конкретной ситуацией, — не это ли «чувство времени», а вовсе не бракоразводный процесс и вынужденные свидания по выходным отдаляли его от сына, Игоря, самозабвенно собирающего фантики от жевательной резинки, расписавшего хоккейные доспехи инициалами Александра Мальцева и притом ухитряющегося знать нечто такое, чего не знал (или давно позабыл) Сергей?..

И отец, и дед, утратив свое время, сваялись с временем новым и нашли себя в нем. А мальчик, этот неистовый забияка, прогульщик, маленький Дон Кихот, оказывается, не только полноценное дитя 70-х годов, но и «человек на все времена». И если отец и дед, каждый по своему и в свой час, научились трезво оценивать и взвешивать, сложилась ли обстановка для совершения Поступка, как они любили говорить, то Игоря не устрашают даже самые свирепые мельницы, обрушивающие на него град ударов. И невольное сравнение мальчика и двух взрослых людей отнюдь не являет собой контраста **дурного и хорошего**; это всего лишь два типа порядочности, две разновидности добродетельности, но в одном случае осознанной, а в

другом — само собой разумеющейся...

Не один, а несколько поединков, принятых мальчиком, описывается в романе. И каждый из них необходим Игорю не для самоутверждения или потакания мужскому самолюбию, но для восторжествования справедливости. Дед воевал, отец спас тонущего в болоте товарища Игорь ищет назначенное ему ристалище и на московских улицах и на школьном дворе, и на футбольной площадке в пионерском лагере. Ищет с малолетства, упрямо, наперед зная, что тут в себя верить не приходится: уж больно неравны силы. Эти драки, эти выступления на защиту слабого почти до самого финала и есть жизненное кредо героя. И последнее принятое им сражение — Нескучном саду — выходит на защиту юной своей возлюбленной, пусть наиболее замечательное, но звено той же цепи. Здесь та же активная добродетель не как Поступок, не как осознанный героический акт, о котором сладко и долго потом вспоминаться, но как естественное состояние человеческой души.

«Нескучный сад» — книга о любви. Но не только о любви мужчины к женщине, о любви к ближнему своему. Не будем идеализировать мальчика, как не будем и корить мужчину или старика. Они разные, но близки, и не только по крови и принадлежности к одной семье. Средоточенное погружение в себя, борьба с самим собой свойственна каждому из них. Владимир Амлинский от проблемы старших братьев обратился к проблеме отцов и детей совсем не для того, чтобы кому-то одному воздавать лавры, подчеркивать разницу взглядов на мир, противопоставлять юность зрелости, не чтобы разобщить, отринуть друг от друга своих, полагая, все-таки равно дорогим ему героев. Ему глубоко удалось передать нам ощущение связи натанутых и кровотокающих, но неразрывных уз, объединяющих три челове-

ских сердца. И это ощущение сообщает книге, столь грустной и даже щемяще тоскливой, общий светлый настрой. Надежда не оставляет в финале романа ни старшего, ни среднего, ни тем паче младшего из рода Ковалевских. И мальчик, засыпающий поздней ночью в пустом и уютном доме отца, не идиллическая картинка в пастельных тонах, но скорее сцена, выдержанная в тональности рембрандтовского «Возвращения блудного сына»...

Писатель говорит о важном, больном, горьком. О поиске добра в себе, в людях, о мужестве и способности его защищать. Роман, построенный не просто, сплетенный из судеб и времен, написан на сильном и свежем дыхании. В нем есть упругость и чистота интонации, суровая поэзия действительности.

И в заключение, наверно, нужно сказать хотя бы несколько слов о четвертом главном герое романа Владимира Амлинского — о Москве. Москву писатель воссоздает с большой художественной точностью. Она тоже очень разная и сложная. Москва тридцатых и сороковых годов, с иллюминированным зданием телеграфа и футбольными страстями, с выставкой трофейного оружия и первым после отмены карточек мороженым; Москва в дни фестиваля молодежи 1957 года — и нынешняя, равно безграничная и уютная, приютившая под бесчестными кровлями всех разом и каждого из своих юных и престарелых сынов.

И насколько не изменяющийся с током времени Нескучный сад — обитель влюбленных школьников и взрослых людей, приходящих на его аллеи, чтобы побыть наедине со своей памятью, своей дальней юностью...

Михаил ПОЗДНЯЕВ